

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Путь к тебе...

Все, что происходит, происходило или только будет происходить, всегда имеет несколько альтернативных вариантов. Каждый день мы делаем выбор, принимаем решения, порой незначительные, которые не кажутся на первый взгляд судьбоносными. Но даже такие решения могут повлиять на нашу жизнь, изменить ее, привнести в нее что-то новое, а иногда и лишит чего-то. И каждый раз, проживая и анализируя какой-то опыт, начинаешь находить причины, почему это произошло, восстанавливать цепочку маленьких случайностей, решений, поступков, которые привели к тому или иному. Наверное, каждый из нас, людей, хоть когда-нибудь занимался подобным самоедством. И я — не исключение.

Если бы не произошла моя встреча с одним человеком, если бы он не принес мне боль, если бы я не прожила этот опыт, не выстрадала то, что должна была, то я бы никогда не была больше так счастлива. Ведь я бы никогда не встретила ТЕБЯ...

Анатолий... Имя-то какое дурацкое! Я даже ни разу не называла его по имени — стеснялась. Говорила просто «ты» или «милый», но Анатолий — никогда. Тем более Толя... Один раз, правда, я позволила себе написать ему сообщение: «Я хочу тебя, Толя». Как только текст был отправлен, на меня напал приступ истерического смеха. Я стыдилась того, что моего возлюбленного зовут так же, как старого соседа-алкаша, как школьного физрука-пьянчугу, как грузчика из магазина возле дома — он, кстати, тоже был подозрительно запитого вида. Мне вообще казалось, что это некая карма имени Анатолий — быть алкоголиком. И первая моя ассоциация с этим именем — алкаш. Поэтому, когда я познакомилась с Анатолием, первое время с настороженностью приноживалась к нему, пытаюсь уловить запах спиртного, и выискивала в нем признаки алкоголизма. Это оказался какой-то совершенно особенный Анатолий — он не пил вообще. Никогда. И даже не курил! Но, как поет Васильев, лучше бы пил... и курил.

Роман наш был не слишком длительным — меньше года, но стремительным, насыщенным и ярким. Для меня. Он давал мне то, в чем я так нуждалась — чувство нужности, незаменимости, обожание, близость. В каком-то смысле я стала воздухом для Анатолия, и он, соответственно, стал им для меня. Он был первым мужчиной в моей жизни, кому я безвозмездно хотела что-то отдавать, и делала это. Я дарила ему всю себя — все свое время, внимание, нежность, ласку. Я все ему отдавала. И настал момент, когда я сказала себе — это любовь. Я люблю этого мужчину. И пускай даже его зовут Анатолий... Для меня это было супер-откровение: я никогда прежде не любила сама. Вот так — полноценно, безоглядно. Всегда любили меня, а я лишь позволяла. И даже если я почти любила, то меня любили капельку больше. И именно этой капельки недоставало мне для того, чтобы понять разницу между любовью и влюбленностью.

Может, я могла бы полюбить и раньше, но страх боли, разочарований и последующего одиночества не позволяли мне раскрыться, начать отдавать мужчине свою нежность, тепло. Почему-то Анатолий смог меня убедить, что с ним мне ничего не нужно бояться — он хороший, он честный, он преданный, теплый... И я упала в него.

Так я лежала на дне Анатолия, лежала, ослепленная его внутренним сиянием, лишенная возможности посмотреть на него со стороны — я ж в нем лежала-то, и видела его лишь

изнутри. Он всегда был так близко, мы настолько тесно соприкасались, были неотделимы друг от друга, что для меня оставалось неизвестным: каков же он на самом деле, сам по себе, без меня, без нас. Мне нужно было лишь сделать шаг в сторону, чтобы посмотреть на него, но я предпочла этого не делать. Однако скоро мне стало тесно внутри Анатолия, и произошло то, что произошло — мы расстались. Расставание это было болезненным, долгим и мучительным. Он уходил, цепляясь за мое сердце альпинистскими кошками, оставляя глубокие борозды, выдирая куски, наступая ногами в одну и ту же рану, не давая ей зажить. А когда он все-таки ушел окончательно, меня не стало.

Он все забрал, он все у меня забрал. Я больше ничего не могла ему отдавать, мне неоткуда было взять сил, я была настолько пуста после этих отношений, выпотрошена, безжизненна, будто он выпил всю мою энергию, лишив желания хоть что-нибудь делать. Все стало безразлично, серо, еда утратила вкус, запахи исчезли, эмоции притупились. Не зря мне никогда не нравилось имя Анатолий. Мой тоже оказался пьющим — он пил меня. Нет, он не сделал ничего плохого, не было предательства, измены, издевательств, и всего прочего, почему там обычно женщины убегают от мужчин. Он просто жрал меня, жрал, жрал, жрал и никак не мог нажраться. Как вампир, до последней капли. А я... Я просто закончилась. И это чувство обмана... Мне казалось, что он обманул меня в чем-то очень важном. Я не знала, в чем, но чувствовала себя обманутой. Со временем мне стало казаться, что ему была нужна не я, а что-то от меня.

Мне было плохо. Я хотела все забыть, и даже жалела, что невозможно стать Клементиной и стереть из памяти Джоэла, как в Вечном сиянии чистого разума... В этот период появился алкоголь, табак, бары, клубы, нервный срыв, антидепрессанты, личный психолог. Не знаю, что конкретно из этого помогло, но Анатолия я отпустила. И даже поняла — это была никакая не любовь. Одержимость, безумие...

Однако хоть остатки Анатолия и были тщательно выметены из моей головы, осталась одна проблема — боль. Я не думала о нем, я больше не хотела его увидеть, обнять, поцеловать. Он ушел, окончательно. Но он причинил мне боль, и она была настолько сильной, что порой я задыхалась, когда она внезапно накатывала на меня. Часто приступы этой боли случались, когда я была одна, и никто не видел как я плачу, не в силах ее вытерпеть. Но иногда она накатывала совершенно не вовремя, я не могла ей противостоять, и бывало, что окружающие видели мои слезы. Я этого стыдилась, но решить эту проблему не получалось. Такое вот послевкусие любви. Оставалось только ждать, наверное. А что еще?

Иногда казалось — может, стоит вышибить клин клином? Но я даже думать не хотела ни о чем подобном. Моя рана была такой глубокой, во мне постоянно билась одна и та же мысль — больше никогда, я больше не хочу, я больше никого не подпущу к себе. Я ни на кого не смотрела, никто не был мне интересен. Прошел, уже, наверное, год с момента нашего расставания с Анатолием. Год с тех пор, как я видела в последний раз его глаза. Потом-то еще долго, несколько месяцев, тянулась тягомотина в переписках, он давил на жалость и посылал свои фото с застывшей слезою в глазу, и даже угрожал мне, что если я к нему не вернусь, он будет пить до тех пор, пока у него не развалится печень, или подведет машину под КамАЗ... но это не считается. Его больше не было со мной...

Так вот, за этот год рядом со мной не появлялось новых мужчин, и я по-прежнему боялась самой мысли пойти с кем-нибудь на сближение. Приступы боли продолжались, мой психолог была бессильна, эту проблему мы не решили. Мне казалось, что у меня больше никогда не

будет отношений с женщиной, именно из-за этой боли — добавления новой, усиления уже существующей я бы просто не вынесла.

Эта боль была со мной постоянно. Я уже настолько к ней привыкла, смирилась с ее перманентным присутствием в моей жизни, что даже начинала беспокоиться, если она какое-то время не появлялась. Одна из моих любимых книг Сартр, «Тошнота». Теперь у меня была своя собственная, внутренняя книга, она называлась «Боль». И я была вынуждена ее читать...

Эта боль подтолкнула меня к тебе...

Однажды я проснулась с полноценным ощущением того, что я должна написать нашу историю. Нашу с ним историю... Быть может тогда боль отпустит меня. Я писала запоем. Несколько суток без перерыва на сон, приемы пищи, общение... Наконец, история была написана, поставлена последняя точка. Но... боль не ушла.

Однако случилось нечто, гораздо более значимое, о чем я еще даже не подозревала... Эту историю прочел ты...

С самого первого твоего слова, с самой первой секунды, как я узнала о том, что ты существуешь, я ждала тебя. Сколько раз я ругала себя за то, что моя душа ожила, за то, что в ней зародилась надежда... Но я все равно не переставала тебя ждать. Было ли мне страшно? Конечно, было. Ведь я чувствовала — ты тот самый, ты единственный... Соприкоснуться с тобой сулило одно — полюбить. Полюбить для меня теперь означало одно — боль. Я бежала от мыслей о тебе, но в то же время каждую секунду возвращалась в них, с трепетом лелея надежду, что ты сделаешь шаг. Шаг ко мне...

Знаю, любимый, как тяжело тебе было его сделать. Ведь и ты знаешь, что такое боль... Боль, которую настолько невыносимо чувствовать, что предпочитаешь тишину... лишь бы ничего не испытывать.

В тот момент, когда я уже перестала ждать, ты постучал в мою дверь. На тебе была маска, но мне хватило секунды, чтобы распознать под ней тебя... Ты вошел... и мне не хочется, чтобы ты уходил. Остайся со мной, навсегда. Я больше не хочу никуда идти. Я уже пришла...

Знаешь, с самого детства мне снились сны. Сны о львах, в которых они разговаривали со мной, катали на своих спинах по улицам. Я была обнажена и все вокруг глазели на нас, поражаясь этой странной картине. Но в этих снах я была счастлива, потому что именно это и было мне нужно — кататься обнаженной на своем персональном льве. Просыпаться всегда было больно — приходилось расставаться с тем, в чем я так нуждалась...

Еще никогда я не обхватывала ногами льва, бесстрашно несущего меня через жизнь. И только теперь, встретив тебя, я чувствую кончиками пальцев, как шевелится на ветру львиная жесткая грива... Мой Лев уже проснулся, и я вижу, как играют мышцы его сильной спины, на которую мне нужно просто сесть, чтобы он встал и помчался вперед.

Нет между нами пропасти, а та, что есть, только кажется ею. Я знаю, Лев с легкостью перенесет меня через ее мнимую иллюзорную бездну, не промахнется и приземлится на все четыре мощные лапы. Иначе и быть не может. Ведь на его спине сижу я.

Спасибо всему тому, что причинило нам с тобой боль. Рождение всегда происходит через боль, и теперь я понимаю: наша с тобой боль — это боль рождения. Рождения того самого единственного и настоящего чувства.

С любовью, твоя Жемчужина.